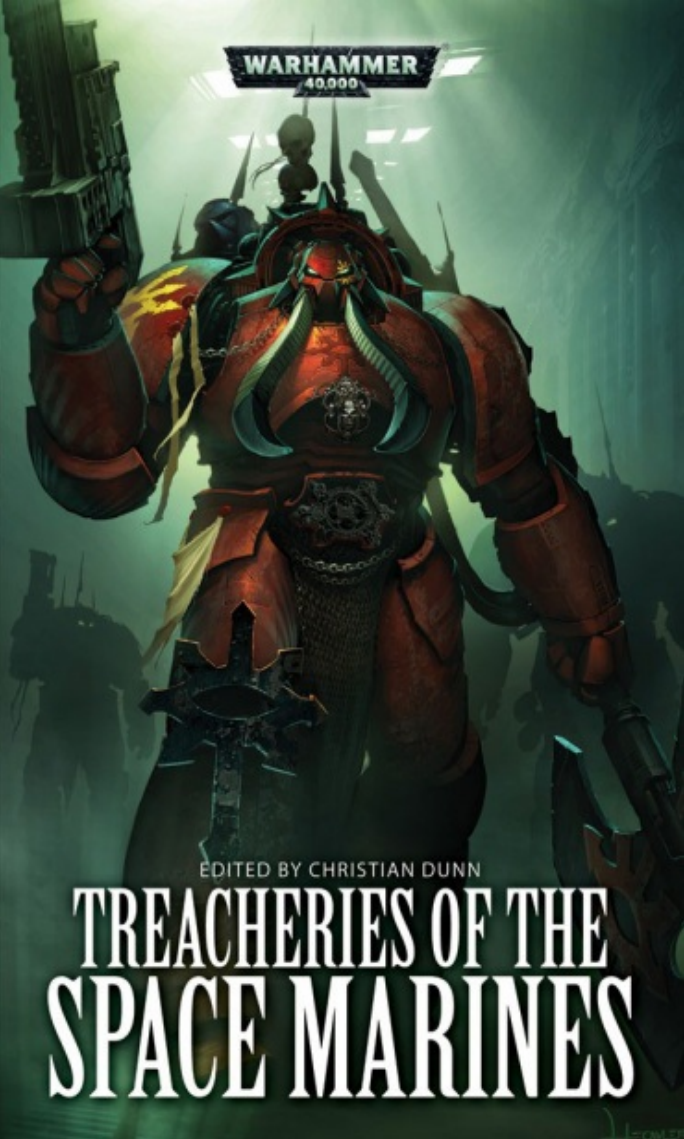

WARHAMMER

40,000

EDITED BY CHRISTIAN DUNN

TREACHERIES OF THE SPACE MARINES

Мы едины

Джон Френч

«Победа и поражение --- лишь вопрос
формулировки»

Аксиомы войны, «Тактика Импералис».

Я устал от этой войны. Она сожрала
меня, поглотила все то, что я сделал и
чем я был. Я преследовал

врага меж звезд на протяжении
десятилетий моей уходящей жизни. Мы
едины: я и мой враг, охотник и

добыча. Близится конец. Мой враг умрет,
и в этот миг я чего-то лишусь,
превратившись в тень,

теркнущую на фоне сияния прошлого.
Такова цена победы.

Мой кулак с грохотом бьет в железную
дверь. От удара разлетаются изумрудные
чешуйки

распластавшейся по всей ее ширине сигры.
Внутри терминаторского успеха,
окруженный

адамантием и кератитом, я ощущаю, как
удар отдается по всей хрупкой плоти.

Вокруг кулака трещат

толщи, я отвожу его назад, доспех
придает мне сил. Я бью, и дверь толщиной
в метр распадается

дождем расколотого металла. Я прохожу
через ее остатки, подошвы крошат в пыль
лежащие на

каменном полу разбитые рубиновые глаза
игры.

На моей броне сияет свет, желчужную
белизну пятнают пламя и отблески
орлиных перьев и лавровых

венков. В помещении по ту сторону двери
тихо, по нему скользят тени. В скобах на
нефритовых

колоннах мерцают пылающие факелы, под
куполом потолка вьются кольца дыма.
Перед тою

глазами проносятся руны целеуказателя и
прогнозирования угрозы, они вынюхивают
опасности, но

обнаруживают лишь одну. Заключенная в
моем кулаке сила подергивается, словно
сжатая рукой бога

шаровая молния.

Он сидит в центре зала на троне из
кованой меди. Синий, как пустота, доспех
покрыт прозрачным

чешуйчатым узором и заграпирован в
ниспадающий плащ из блестящего шелка.
Лицо скрыто за

безликим щитком и светящимися
зелеными глазами рогатого шлема. Он
сидит неподвижно, одна рука

покоится на эфесе меча с серебристым
клинком, голова медленно поворачивается
к нему навстречу.

- Фокрон из Альфа-Легиона, - выкрикиваю
я, и голос отдается эхом в теневой
тишине. - Я призываю

тебя к ответу перед Императором,
который ты предал.

Формальная обвинительная фраза
стихает, и Фокрон встает с мечом в руке.
Это будет не обычный

поединок. Сражаться с Альфа-Легионом
означает биться в окружении постоянно
меняющегося обмана,

где за каждой слабостью может таиться сила, а очевидное преимущество может показаться западней.

Ложь — их оружие, и они овладели им в совершенстве. Я стар, однако время наделило меня защитой от него.

Он приходит в движение и делает выпад, столь стремительный и внезапный, что у меня нет шансов

уклониться. Я вскидываю кулак, ощущая, как доспех подстраивается под движения моих дряхлых

мышц, и во вспышке света принимаю первый удар этой последней схватки.

Девяносто восемь лет назад — Год Эфизуанской бойни

Некоторые говорят, что знание может ослепить, однако невежество просто-таки приглашает обмануть

тебя. Я все еще полню те времена, когда стало что знал об Альфа-Легионе помимо сухих фактов и

полустысленных страхов. Сейчас я

оглядываюсь на те дни и содрогаюсь от
того, чему предстояло
произойти.

Мое невежество начало утирать на
строевом плаце Эфизии.

На пыльной равнине в тени законченных
ульев стояли миллионы солдат — ряд за
рядом, мужчины и

женщины, одетые в форму дюжин
различных миров. Боевые танки и
наземные транспорты, чихая,

выбрасывали в холодный воздух выхлопные
газы. Через толпу двигались офицеры
Муниторута,

которые раздавали приказы, перекрикивая
шум, и от их дыхания ненадолго
образовывались белые

облачка. Над всем этим в чистом небе
висели транспортные баржи, чьи
покрытые выбоинами от

полетов в пустоте корпуса блестели в
свете солнца. Они были готовы поглотить
скапливающуюся массу

человеческой плоти и боевых машин.

Армия готовилась сокрушить скопление
тиров-отступников,
провозгласивших о своем выходе из
состава Империи. Собранные силы
должны были разнести этот
акт глупости на куски и вернуть дюжину
тиров под власть Бога-Императора.
Так было задумано, хотя глупцами,
возможно, были именно мы.

- Расступитесь! - закричал я,
проталкиваясь через толпу и отшвыривая
в сторону мужчин и женщин в
недавно выданной боевой форме. Хелена
шла рядом со мной, отталкивая людей
силой своей воли. За
нами раздавались ворчание и ругань,
которые утолкали при виде
выгравированного на моем
нагруднике перечеркнутого тремя
полосами знака "J" и шипящего дула
сжатого в руке
инферно-пистолета. Я бежал, и позади
меня хлопал на ветру утепленный плащ, а
политированные

сегментированные доспехи сверкали на солнце. Всякий, кто смотрел на меня, понимал, что видит

перед собой инквизитора, левую руку Бога-Императора, обладающую правом судить и казнить любого,

находящегося под властью Золотого Трона. Толпа раздавалась передо мной, словно стадо скота при

приближении волка.

- Вон он! - выкрикнула Хелена в двух футах левее меня. Я повернул голову и увидел, как

серо-коричневая форма нашей цели растворяется в гуще солдат. Прежде, чем я успел стенить

направление, Хелена уже пришла в движение. Она бросилась через расступавшуюся толпу, солдаты в

затешательстве отшатывались с ее пути. Я ощущал завихрения от теленатической волны, которую она

направляла перед собой на бегу. Под подвижными пластинами брони играли

крепкие мускулы, а
позади нее развевались темные волосы.
На секунду позже Хелены нашу цель
увидел и я. Это был худой человек в не
подходявшей ему по
размеру мышастой форме эфизуанских
солдат. Его кожа была бледной от плохого
питания и нехватки
дневного света. Он выглядел так же, как
большинство собравшихся здесь в этот
день, очередная
разменная монета Империи, сделанная
из плоти. Однако этот человек был вовсе
не неотесанным
рекрутом Имперской Гвардии, а агентом
математиков, которого послали на этот
сбор, чтобы посеять
разрушение. Мы выслеживали его на
протяжении нескольких дней, зная, что
потомо него есть и
другие, и что единственный шанс
остановить их — дать ему бежать до тех
пор, пока он не приведет нас
к остальным. Таков был план, мой план.

Но времени уже не оставалось. Какое бы зверство они не затышляли, оно было уже столь близко, что я ощущал внутри холод страха.

- Уложи его! - прокричал я. Хелена уже поднимала изломанный пистолет, когда человек с ловкостью

хищника дернулся вбок. Он перекатился и присел, прижав к плечу ладан. Хелена метнулась наземь, и

выпущенная по дуге очередь энергетических зарядов прошла мимо нее.

В толпе напали люди, их

крики боли распространялись, словно волна. Вокруг нас на земле лежали мертвые и умирающие

солдаты, а их товарищи превратились в слепое неорганизованное стадо, лишенное какого-либо

порядка.

Наш объект уже был на ногах и двигался, виляя среди перепуганных солдат и используя в качестве

прикрытия созданную им же неразбериху.

Я испытал уважение к его
сообразительности. Надо было
признать, что он был хорошим
целеустремленный, безжалостный и
хорошо обученный.

Я поравнялся с поднимающейся с земли
Хеленой.

- Подождите, - произнесла она. - Нам его не
догнать. Я справлюсь, владыка.

Последнее слово она как будто прикусила.
Я взглянул на ее лицо, слишком худое и
бледное, чтоб его

можно было назвать привлекательным, с
клеймот Схоластия Нсайкана в виде
обратленной крыльями

тупоносой "J" вокруг левого глаза. Она
ответила невеселой улыбкой. Хелена была
моим дознавателем,

помощником в делах Империи. Мы друг
друга недолюбливали. В сущности, я был
уверен, что в

какой-то мере она меня ненавидит.
Однако она была хорошим дознавателем и
преданным слугой

Циперита. А еще псайкером,
обладающим смертоносной силой.

Я кивнул в ответ. Она отвернулась,
закрывая глаза, и я ощутил, как воздух
вокруг нас стал похож на

жженный сахар от хлынувшей к ней силы.
Наша цель уже практически растворилась
в колышущемся

вокруг лесу человеческих тел. Сотни
солдат толкались, словно напуганное
стадо, было слышно, как

вдалеке кричат офицеры, призывающие к
порядку и докладывающие о ситуации. На
мгновение время

застыло, и наступили тишина и покой. Я
видел всего лишь в шаге от себя молодого
пехотинца, на лице

которого затерло выражение
озадаченности, а на песочной униформе
еще были видны складки после

хранения на складе. В этот миг я
прошептал молитву о прощении.

От Хелены рванулась незримая ударная
волна, которая отрывала тела от земли и

ивыряла их в воздух,

словно оказавшиеся на пути вихря обломки. Они с криками падали и ломались, а телекинетический

шторм следовал за нашей добычей. В пятидесяти шагах от нас он настиг цель и сбил ее с ног. Человек

упал на землю, хрустнули кости. Когда я до него добрался, он с бульканьем глотал воздух,

раздробленные пальцы тянулись к недосыгаемому лазгану. Я вскинул инферно-пистолет и превратил

вытянутую руку в почерневшую и покрытую волдырями культю.

Я не стал тратить время на вопросы о том, сколько еще диверсантов скрываются среди собравшихся и

какова их цель, зная, что он не ответит. Это не имело значения. В любом случае я бы добился от него ответов.

- Извлеки из него информацию, - я тахнул пистолетом в сторону лежащего на земле

изломанного тела.

- Нам надо знать, сколько их тут и что они собираются подорвать.

Хелена глубоко вздохнула и на секунду прикрыла глаза, прежде чем взглянуть на подергивающегося и

бульткающего у наших ног человека. Тот замер, и я кожей ощутил колдовской холод. Глаза Хелены были

закрыты, но, когда я взглянул на нее, она заговорила.

- Я его взяла, но... - ее голос дрогнул, и я заметил, что ее колотит. - Что-то не так.

- Получи информацию, - рыкнул я. - У нас заканчивается время. Сколько их проникло на сборы? Где бомбы?

- Они... - начала она, но ее прервал бульткающий стех лежащего человека. Я взглянул вниз. Он смотрел в

ответ белыми, как у трупа, глазами. И в этот момент я осознал, что совершил ошибку. Нас

предостерегают, что самонадеянность хуже невежества, и при взгляде на человека я понял, что

самонадеянность приведет меня к смерти. Не было никакой сети диверсантов, ставивших своей целью банальное убийство. Было нечто большее, гораздо большее. Я похолодел от страха.

- Нас много, инквизитор, - произнес он, голос гребезжал и клокотал из-за переломанных ребер и

крови. Рядом со мной Хелена начала биться в конвульсиях, из ее рта и глаз потекла кровь. Губы

открылись, пытаясь сложить слова.

- Ведьмы. Это ведьмы... - задыхалась она, хватая меня за руку, а вокруг нас началась психическая буря.

- Я чувствую их разум. Их больше, гораздо больше.

Я ощутил, как в воздухе запахло жженой кровью, а кожу лизнули скользкие заряды.

Поверженный

человек снова расхохотался, и по его коже

поползло мертвенное свечение варпа.

- Нас много! - выкрикнул он и продолжил кричать, даже когда я испарил его голову. Звук не

прекращался, он заполнил мою голову, становясь все громче и громче. Я отвел взгляд от мертвеца и увидел, насколько ошибся.

По всей равнине в небо на столпах призрачного света поднялись фигуры, раскинувшие в воздухе

конечности. Разряды молний перескакивали с одной на другую, соединяя их в растущую сеть. Небо

залили темные облака цвета желчи и спекшейся крови. По всему строевому плацу тысячи людей

падали на колени, стонали и вцеплялись в свою кожу, из их глаз сочилась кровь. Некоторые,

облававшие более сильной волей, стогли зарядить оружие и открыть огонь по хоругведьм. Кое-кто

даже попал в цель, прикончив псайкеров.

Но тех было слишком много, и с каждым ударом сердца

колдовская буря усиливалась. Я чувствовал, как по мне, словно множество насекомых, ползет нечистая

сила, а голоса ведем не дают мыслям сосредоточиться. Я мог

сконцентрироваться лишь на своей злости из-за того, что потерпел неудачу, а враг обманул меня. Голоса становились все громче, они

переплетались, и из телепатической какофонии вырвалось одно единственное слово.

Фокрон.

Десятки разумов выкрикнули это имя, и шторм взорвался пламенем, которое прокатилось по

строевому плацу. Оно обратило плоть в пепел, и развеяло его на раскаленном ветру. В мгновение ока

погибли сотни тысяч, созданная для покорения миров армия превратилась в прах и искореженный

металл. Я видел, как огонь приближается ко мне, и почувствовал, как меня окружило нечто вроде

ледяного плаща. Я осознал, что Хелена продолжает держать меня за руку, и провалился во трак.

Очнулся я на земле, покрытой перлом. Рядом со мной лежала Хелена, открытые участки ее кожи

покрывали ожоги и волдыри. Дыхание было настолько слабым, что я сначала посчитал ее мертвой,

пока ее глаза не дрогнули, открываясь. Необходимая для защиты энергия все еще окутывала мою кожу

холодным саваном. Я знал, что она спасла нас обоих, но какой ценой! Использованная для создания

щита мощь практически выжгла ее психический дар. Она выжила, но превратилась в тень себя

прежней и так никогда и не стала инквизитором. Посреди этой всепоглощающей трагедии в моей

памяти все еще жива ее жертва, словно
призрачное прикосновение пропавшей
жизни.

Вокруг нас ничего не было, лишь гүлкое
запустение под разбитым небом. Было
тихо, но в моем

сознании продолжало отдаваться имя
того, кто устроил эту бойню.

Восемьдесят четыре года назад

Мы спустились с серо-стального неба,
оставляя за собой полосы кроваво-красного
пламени. Над

павшим городом поднимались стаккато
зениток и яркие вспышки оборонительных
лазеров, как будто

утирающее божество скребло по небу
когтями, сбивая посалочные челноки и
штурмовые носители.

Пылающие обломки падали среди
сверкающих куполов и шпилей города в
сопровождении каскада

маслянистого дыма. Воздух звенел от
выпущенных с орбиты снарядов и воя
двигателей штурмовых

кораблей. На город обрушились гнев и
мощь Императора, и теперь он с воплем
горел.

Сидя во траке пассажирского отделения
«Валькирии», мы ощущали ярость
вторжения как

вибрирующие удары, от которых
содрогался окружающий нас корпус. Воздух
внутри штурмового

носителя был окрашен в красный цвет
боевым освещением отсека и насыщен
запахом пота. Даже в

столь замкнутом пространстве команда
штурмовиков старалась держаться на
расстоянии, пусть даже

оно составляло лишь несколько дюймов. Я
знал всех по именам, сражался с ними бок о
бок и лично

выбрал их в качестве своей охраны на
время вторжения. Ощущать в руке мощь
Императора - значит

быть знакомым с одиночеством. С этим
фактом я уже давно смирился.

- Господин, -- раздался заглушивший

грохочущую снаружи битву голос. Я
оторвался от

аэрографической карты и увидел, что на
меня смотрит сержант Дрег, чье лицо
окружала

маслянисто-черная броня. - Командование
района операции запрашивает, где вы
намереваетесь

совершить посадку.

Я улыбнулся, позволив проявиться на лице
беззаботному веселью.

- В каком деле? - поинтересовался я. Дрег
ухмыльнулся в ответ.

- Да, господин. Они говорят, что таким
образом смогут все согласовать, чтобы
оказать вашим

действиям соответствующую поддержку.

Я кивнул, поджав губы в насмешливом
раздумье. Я не склонен к юмору, но, чтобы
вести людей на

смерть, нужно носить множество масок.
Неподалеку что-то взорвалось,

«Валькирия» дернулась. Пилот

заложил крутой вираж, и я почувствовал,

как спина вжимается в жесткую
металлическую летную
скалью.

- Сегодня уже немного позновато для
совместного удара, не находишь, Дрег? - я
слегка покачал

головой. - Скажи им, что я скоро сообщу
свежие данные.

- Да, господин, - кивнул Дрег. - А наша
истинная цель?

Я снова взглянул на голоэкран, поверх
горизонтальной проекции города торгали
скопления рун,

двигавшихся соответственно целям и
данным тактической разведки.

Город назывался Теснасия, этот
сверкающий самоцвет погряз в алчности и
лжи и утянул за собой всю

остальную планету. Правящие гильдии
ниспровергли имперский закон и отдали
Темным Богам

собственные души и души своих подданных.
Однако я не поэтому прибыл посмотреть,
как город падет

пог молотом имперского возмездия. Не из-за ереси Теспасии, а из-за ее причины.

- Ониксовый Дворец, - я передал сержанту
своей голопланшет. - Точка штурма
отмечена.

Я наблюдал, как по грубому лицу
сержанта скользнула легчайшая тень
страха. Мы направлялись в

самое сердце порчи, будучи в полном
одиночестве и без поддержки.

- Очень хорошо, господин, - ответил Дрез и
начал с рывканьем инструктировать
остальных

штурмовиков. Я проверил свое оружие:
убранный в кобуру на бедре полированного
боевого доспеха

тупоносый плазменный пистолет и
лежавший на коленях молот с навершием в
виде головы орла.

«Валькирия» снова задержалась от
незримых ударов. Мы были близки к цели.
Чтобы знать об этом,

мне не нужно было видеть тактические
данные. Я чувствовал это в сдержании

металла вокруг. За

прошедшие с момента сожжения сборов на
Эфизии десять лет я сильно изменился и
многоту

научился. Подозрительность --- броня
Инквизиции, и за предшествующие годы я
узнал о ее ценности.

Восстание ширилось, втянув в ересь и
порчу дюжину миров, и появилось имя, уже
известное мне:

Фокрон. Архиеретик и кукловод
предательства, чьи агенты и изменники
распространялись среди

наших сил, словно инфекция. Даже имея за
спиной всю мощь крестового похода, мы
платили за

каждую победу кровью. Проливая ее, мы
продвигались шаг за шагом, а засады,
диверсии и убийства

подтачивали наши силы. Поэтому я
прибыл в этот проклятый город, чтобы
отсечь голову тятежа, убить

врага, которого никогда не видел. Убить
Фокрона.

Боковые двери «Валькирии» разъехались,
и нас захлестнули вой битвы и запах гари.
Под нами

мелькали горящие здания, они были
настолько близко, что я мог различить
узор на сине-зеленых

плитках, покрывавших большую часть
куполообразных крыш. На улицах
передвигались от укрытия к

укрытию фигурки. Звуки их небольших
стычек терялись среди рева огня,
падавшего с неба

непрекращающимся ливнем.

Над пылающим городом располагалась
многоярусная гора из светлого камня
цвета грязного льда.

Ряды возвышавшихся куполов и балконов
сверкали под блестящей дымкой
пустотных щитов,

терцавших и искрившихся от попадания
снарядов и энергозарядов. Это был
Ониксовый Дворец,

резиденция губернатора этого мира и
средоточие предательства. Фокрон был

здесь, и Ониксовый

Дворец стал его оплотом. Многослойные щиты уберегли его от бомбардировки, но не могли

остановить нас.

«Валькирия» ударила в край пустотного щита, фюзеляж заискрился, и в воздухе появился запах

электричества. Перед нами взметнулись многоярусные балконы дворца, утыканные темными

орудийными турелями, которые изрыгали сверкающие огненные линии. Мы закладывали виражи и

маневрировали, в бронированный корпус били заряды. Двигатели с воем несли нас к вершине дворца.

За нами на треугольных крыльях двигались десантно-штурмовые "Трифы" и другие машины. Воздух

содрогался от визга стартовых ракет и рева взрывов. Купола и обрамленные статуями мостики

оставались позади. Я видел фигурки,

часть из которых распласталась за
плешками с песком, а часть уже
бежала от взрывов, прошедших по краю
дворца на нашем пути.

Мы добрались до вершины самого высокого
из куполов, и я впервые увидел Фокрона, он
стоял в

темном доспехе в сопровождении одного
облаченного в черное соратника и скопища
съежившихся

фигур в развевающихся шелковых рясах.
Он стоял на краю балкона, как будто
наблюдая за разорением,

которое он вынудил Имперium устроить
на этом мире.

«Валькирия» наклонилась и с визгом
двигателей скользнула по каменным
плитам площадки.

Штурмовики уже выскакивали через
дверь, один за другим падая на землю. Дрег
ухмыльнулся мне,

метнулся наружу, а затем несколько
метров до покрытой плитками площадки
пролетел уже я. На

мгновение мир вокруг завертелся, и я
оказался на ногах, выучка и инстинкты
опережали мысль. Доспех

реагировал на мои движения, неся меня
вперед быстрее, чем мышцы. За моей
спиной на платформу

выскакивали все новые штурмовики.

Собравшиеся вокруг Фокрона фигуры в
рясах погибли, шелковые облачения были
прожжены зарядами

хеллганов. Несколько побежали, позади них
были полосы раскрашенной ткани, босые
ступни

шлепали по мрамору. Фокрон
невозмутимо стоял, его руки были пусты,
меч висел в ножнах на поясе.

Позади него столь же неподвижно стояла
фигура в черном плаще с меховым
воротником и

серебристой полумаске. Я выстрелил,
пистолет с шипением выплюнул плазму.
Другие тоже стреляли.

Заряды энергии сходились на двух
фигурах, но разбивались о сверкающий

силовой купол.

Дрез и его отделение передо мной неслись к Фокрону и его помощнику.

- Постарайтесь не отставать в этой броне, господин, - услышал я по воксу смехок сержанта и ответил чрезвычайно непогодбающим господину ругательством.

Когда в энергетический щит Фокрона ударили первые заряды, Дрез обнажил меч. Клинок с треском окутали молнии.

- Группа ближнего боя, войти под защитный купол, - прошипел сержант по воксу. В моей руке дернулся, оживая, молот, генератор которого заставлял его вибрировать от напряжения.

Дрез прошел сквозь купол первым, вскидывая меч для обратного режущего взмаха, его мускулы были готовы превратить инерцию атакующего движения в пробивающий броню удар. Фокрон начал

двигаться за мгновение до того, как этот удар достиг цели. Я сражался всю жизнь и сходил со

многими врагами клинок к клинку. Изучал ремесло убийства, профессиональное умение резать,

дуэльное парирование, ответные выпады и прелесть идеально выверенного удара. Вигел, как люди

убивают груз груза бесчисленными способами. Для меня в искусстве смерти нет ничего тайного. Но,

клянусь, я никогда не вигел, чтобы смерть приносили с такой злобещей гениальностью как в том миг.

В руке Фокрона оказался его меч. Длинный обоюдоострый клинок был украшен чешуйчатым узором, с

гарды скалилась голова ящера. Он столкнулся с мечом Дрега с громовым треском сшибшихся силовых

полей. Дрег был быстр и подготовлен к подобной контратаке годами войн, но в тот момент инстинкты

погубили его. Он перенес центр тяжести, чтобы удар костогесантника прошел мимо, и враг открылся.

Сержант не ожидал, что Фокрон бросит меч.

Не встретив сопротивления, меч Дрега опустился вниз и рассек воздух. Фокрон крутанулся мимо клинка

сержанта столь близко, что их доспехи соприкоснулись. Рука в перчатке врезалась в броню Дрега в

области горла. Я увидел, как голова сержанта откинута назад, и его тело, обмякнув, рухнуло наземь.

Остальные из отделения Дрега не сильно от него отстали и, пройдя через защитный купол, открыли

огонь. Фокрон уже неся к ним. Первый погуб, нажав на спуск. Рука Фокрона сошлась на хеллгане,

раздавив предохранительной скобой пальцы штурмовика. Человек закричал. Фокрон развернулся, и

оружие изрыгнуло прерывистую черту

энергии. Огонь хеллгана попал в упор в
двух ближайших

штурмовиков, прожигая плоть и броню.
Костогесантник быстро и изящно обвил
вонящего человека

рукой и ухватился за опоясывавший грудь
того ремень с гранатами.

Меня отделял от края защитного купола
всего шаг, когда я сообразил, что сейчас
произойдет. Фокрон

повернулся и швырнул кричащего человека
в остальных штурмовиков. От силы броска
позвоночник

того сломался с резким хрустом. Я увидел
в руке Фокрона блестящие чеки гранат.
Мертвец упал на

площадку перед своими товарищами и
взорвался.

Разрастающаяся от взрыва сфера
шрапнели разорвала остаток отделения.
По моей броне застучали

куски металла, мяса и костей. Сквозь
завесу дыма и пыли я видел Фокрона и его
одетого в теплый плащ

спутника. Они бежали.

- Цель движается, - выкрикнул я в вокс. -
Догнать и уничтожить.

Я открыл огонь - плазма прочертила в
пыльном облаке ионизированные следы - и
побежал за джумтя

фигурами. За мной двигалась оставшаяся
часть ударной группы. Двое беглецов были
на краю

площадки. Позади них пылал город. Они
обернулись и посмотрели на пробежавший
мимо останков

Дрега и его отделения отряд. Те мчались,
не обращая внимания на забытый на полу
меч Фокрона.

Скрытый в клинке плазменный заряд
сдетонировал, вспыхнув сияющим шаром
обжигающей, словно

солнце, энергии. Я ощутил жар через
броню, взрыв подбросил меня в воздух и
швырнул на пол. В ушах

зазвенели тревожные сигналы, системы
доспеха зафиксировали повреждения.
Обнаружив, что еще

жив, я вдохнул, и в груди шевельнулось что-то влажное. На несколько мгновений я ослеп.

Попытавшись приподнять голову, я понял, что мне мешает смотреть кровь. Я моргал, пока зрение не

вернулось. Позади меня ярко сияла все еще пылавшая сфера плазмы. Фокрон стоял, в плазменном

свете его синий госпех казался черным.

Я поднялся на ноги, вспыхнула боль, а внутри госпеха раздался скрежет сервоприводов. Молот исчез,

от взрыва он разлетелся на куски по площадке. Двое находившихся рядом со мной штурмовиков

начали подниматься. Фокрон застрелил их прежде, чем они смогли встать, горланное рывканье

болт-пистолета практически потерялось среди звуков бушевавшей в городе битвы. Я стоял на ногах, в

руке визжал, накапливая энергию, плазменный пистолет. Прямо на меня

смотрело дуло пистолета

Фокрона, готовый изрыгнуть платя
метный кружок.

Над краем площадки, направляя вниз
потоки воздуха, взлетела «Валькирия». Ее
корпус был окрашен в

грозово-серый цвет линейного флота
«Гекуба». Я видел пог кабиной
полустертые отметки об

убийствах и порядковые номера. Какое-то
мгновение я ждал, что она откроет огонь
из носового

орудия, срезав Фокрона и его спутника.
Затем машина стала разворачиваться,
опускаясь вниз, пока

открытые боковые двери не оказались на
уровне площадки. Член экипажа в форме
Имперского флота

протянул руку, помогая человеку в
утепленном плаще забраться в дверь.
Следом за ним вошел

Фокрон, и «Валькирия» унеслась вниз. Мне
казалось, что Альфа-легионер смотрит на
меня

изумрудными глазами, пока корабль не
затерялся среди сотен других, ронившихся
над гибнущим
городом.

Я вздохнул, давая выход боли и
разочарованной злобе. Что-то не сходилось.
Казалось, что Фокрон

предчувствовал нападение и ожидал его,
чтобы расправиться с нами. Нет, не
просто расправиться. Это

была демонстрация превосходства. Она
означала -- я могу победить тебя тысячью
способов, могу

убить, как захочу. А затем это внезапное
бегство, оно не вписывалось в картину. Его
войска были

задавлены, город заполняли тысячи
имперских солдат, но почему тогда он
отступил сразу же, как

только это стало очевидно? Разве что...

Я ощутил внезапный холод, словно под
броней образовался лед. Я давил на вокс-
коммуникатор,

пробиваясь через разрешительные коды,

пока в моем ухе не раздался голос
командовавшего

вторжением офицера. У генерала
Беррикейда был неразборчивый голос,
выдававший обширный

живот и массивные щеки. Однако глупцом
он не был.

- Лорд-инквизитор, - произнес он, голос
прерывали помехи.

- Генерал, немедленно выводите из города
все войска, - последовала пауза, и я мог
представить, как

Беррикейд таращится на вокс-приемник в
стратегииуме висящего на орбите линкора.

- Господин, - осторожно начал он. - Если
мне будет позволено осведомиться... - он
так и не закончил,

поскольку в этот миг Фокрон ответил на
невысказанный вопрос. Плазменные
реакторы города,

хранилища протетия и химические
заводы одновременно взорвались.

По всему городу в небо взметнулись
пылающие облака, их вершины

расширялись и сплющивались,
встречаясь наверху с воздушными
потоками. Ударные волны разнесли здания
на бритвенно-острые
обломки и облака пыли. Мгновением
позже по улицам прокатились
концентрические волны огня и
горящего топлива. До меня звук и ударная
волна докатились секундой позже и с ревом
прокинули
наземь. Наверное, я ударился о пол, но так
этого и не почувствовал. Взрывная волна
уже отправляла
меня во трак.
Позже, находясь на лечении, я узнал, что
погибли десятки тысяч имперских солдат,
еще сотни тысяч
отступников и миллионы гражданских
сгорели дотла или были раздавлены
обломками. Матеж пал, но
Империя получила тяжкую рану, и
целели лишь почерневшие руины. Однако
Ониксовый Дворец
устоял. Его плазменные реакторы не были

перезрүжены, и это спасло мою жизнь.
Когда мне об этом
рассказали, первой мыслью было, что
Фокрон хотел оставить в живых
свидетеля того, как он вырвал из
плоти Имперуґа еще один
окровавленный кусок. А затем я снова
вспомнил о темной пасти

болт-пистолета Фокрона и смерти,
которую он придержал. Нет - подумалось
мне - ему не нужен был

хоть какой-то очевидец его победы, он
выбрал для этого именно меня. И по сей
день я не знаю

почему.

Тогда

Корабль приблизился. Через полированный
хрусталь иллюминатора мне было видно,
как из его

поврежденных двигателей в вакуум
сочится светящийся пар. Это был
небольшой корабль, чье

размера едва хватало для переходов в
варне, типичный катер из тех, которыми

пользовались

обитавшие на окраинах Империи
торговцы и контрабандисты. По
сравнению с ним тот, на котором

находился я, был более массивным, будучи
покрыт броней и орудийными бастionsами.

Хищный

левиафан приближался к толстой рыбешке.

«Несокрушимая мощь» была линейным
крейсером типа

«Армагеддон», обладавшим достаточной
огневой мощью, чтобы разносить другие
боевые корабли на

пылающие обломки. Против безымянного
клипера потребовалась всего крупница этой
силы.

Единственный точный лэнс-выстрел сжег
плазменные двигатели суденышка, оставив
его дрейфовать

лишенным энергии.

С пощелкивающим урчанием акустики я
отвернулся от окна. Мой взгляд из-под
напюшона алой рясы

сфокусировался на адмирале Велькаррине.

Он был худым, словно щепка, на спине украшенной

золотыми галунами формы ниспадали свисавшие с обтянутого серой кожей черепа перепутанные

жгуты командирской аугметики.

- Запускайте абордажную команду, адмирал, - сказал я. Велькаррин поджал бесцветные губы, однако кивнул.

- Как пожелаете, господин, - он развернулся, чтобы отдать приказ оживавшему офицеру.

- У, адмирал... - он повернулся обратно. -- Пусть будут максимально осторожны.

- Да, господин, - Велькаррин коротко поклонился. Я был уверен, что его возмущает то, что я команду

его флотом и экипажем. Его, должно быть, раздражала охота за пиратами и контрабандистами в то

время, как среди звездных систем бушевала война. Какую-то часть меня немого веселило зрелище

того, как гордость борется в нем со страхом перед Инквизицией. Другую совершенно не волновало, что он чувствует.

- По возвращении я лично встречывал бордажную команду, - Велькаррин отвесил еще один отрывистый поклон и пошел прочь, шипя подчиненным распоряжения.

Я повернулся и стал смотреть, как наша добыча приближается, глаза стрекотали, подстраивая

фокусировку. После Геспасии меня воссоздали. Лица и глаз больше не было, на их место пришла

аугментика с синими линзами и маска из искореженной шрамовой ткани, натянутая на собранный из

кератики череп. Левая нога и часть торса были столь изуродованы, что их пришлось заменить.

Керамитовая броня, пересаженные органы и латунная механическая нога означали, что я еще живу и

хожу, пусть сгорбившись и спотыкаясь из-за шестеренок и поршней. После катастрофы при нападении

на Теснасию я воспринимал свои раны как наказание за недостаток прозорливости, навеки написанную

на моем теле цену невежества.

Получив этот урок, я многое сделал, чтобы разобратся в своей неудаче. Война против лютых миров

многократно разрослась, втягивая в себя армии и ресурсы множества звездных систем. Империя вел

уже не сдерживающую войну, а крестовый поход возмездия. По моей воле и властью Agentus Terra он

получил название Эфизуанской Травли. Я десятилетиями наблюдал, как наши силы сражаются, а все

больше миров охватывает лютость, и они поддаются влиянию Темных Богов. Мы проигрывали эту войну,

поскольку бились с противником, для которого лютость была одновременно и

оружием, и защитой.

Десятки лет с момента сожжения
Теспасии я работал над тем, чтобы
понять врага.

Я развернул бурную деятельность, собирая
информацию об Альфа-Легионе. Я
просмотрел все: от

закрытых докладов инквизитора Турро до
понятных лишь наполовину записей времен
рассвета

Империи. Я узнал своего врага. Узнал их
природу, излюбленные способы ведения
войны и уязвимые

места. Порой мне приходило в голову, что
я знаю их лучше, чем себя самого.

Их символом была гидра, многоголовая
тварь из легенд, рожденных в первые дни
человечества. Она

была одновременно знаком их воинского
братства и декларацией методов.
Сражаться с

Альфа-Легионом значит противостоять
извивающемуся в твоих руках
многоглавоту чудовищу. Как

только ты решишь, что прижал какую-то
его часть, удар нанесет другая,
незамеченная. Отсечешь

голову, и на ее месте вырастут две.

Они распространяют ложь и секреты о
себе, надеясь запутать и сбить с толку
врагов. Их специализация

-- уловки, шпионаж, засады и
неконтролируемая путаница
партизанской войны. Они пользовались
всем

этим с помощью сети соображенных
последователей, лазутчиков, шпионов и,
иногда, собственного

боевого искусства. Они были окутаны
порчей Хаоса, погрузившись в злобу и
предательство с тех пор,

как их примарх и Легион изменили
человечеству десять тысячелетий тому
назад.

Враг, с которым я столкнулся сейчас, был
одиночным отпрыском этого племени
еретиков, но от этого

не менее опасным. Уля Фокрона

выползало, словно змея, на протяжении
всей Эфизуанской Травли.

Мне было известно, что еще до того, как
мы узнали его имя, он посеял семена
тяжелой идеологии на

дюжине миров и взял под контроль
культы ведьм и секты еретиков. И теперь
он двигался от одной

зоны боевых действий к другой, втягивая
планеты в тяжёлую, собирая наши силы и
карая Имперіум за
каждую победу.

Эфизуанская Бойня и сожжение Теспаси
были лишь двумя из скрытых и
опустошительных

нападений, которые он проводил на
Имперіум. Кружась в танце разрушения,
он оставался вне

досыгаемости - скрытый в тени
противник, сошедшийся со мной в поединке
на десятках миров.

По ту сторону отражающего свет
бронестекла к поврежденному кораблю,
оставляя за собой след

оранжевого пламени, встретился челнок.
Вместо того, чтобы идти по следу
Фокрона, я решил бить
туда, где он был наиболее уязвим -- по
мобильности. У него не было боевого
флота, он не захватывал
планеты с помощью вторжения с орбиты
или под угрозой бомбардировки. Он покорял
их изнутри,
незримо передвигаясь от одного к другому.
Насколько я мог судить, под его
командованием не было
вообще ни одного боевого корабля. Из этого
следовало, что для перемещения он
пользовался
катератами торговцев и контрабандистов,
которые могли незаметными пересечь
неспокойную
пограничную зону субсектора.
Раздробленный экспедиционный корпус
имперских кораблей без
какого-либо результата выследил и взял
на abordаж уже девятнадцать судов. Тот,
на который смотрел

я, должен был стать двадцатым.

Спустя два часа я стоял среди вони прометия и малоорганизованного хаоса одного из основных

посадочных ангаров «Несокрушимой мощи». Похожее на собор помещение заливал яркий свет,

отражавшийся от корпусов лихтеров, челноков и посадочных кораблей. Но нигде перемещались фигуры,

трудившиеся над извлеченными из-под сервисных панелей механическими внутренностями.

Я стоял в сопровождении Велькаррина и караула из двадцати бойцов внутренней безопасности. Их

бронескафандры цвета бронзы отражали яркое освещение. Адмирал стоял на расстоянии нескольких

шагов, совещаясь с двумя офицерами-помощниками. Посланная команда сообщила, что корабль

оказался всего лишь судном контрабандистов с экипажем из

дезертиров и чужеземцев. Они
обнаружили груз запрещенной руды,
направлявшийся в какое-то пиратское
прибежище на Окраинах
Ореола. Сопровождавший команду
лекстеханик опустошил банки данных
корабля для дальнейшего
анализа. Как и в девятнадцати
предыдущих случаях, не было никакой связи
с Фокроном и его тайной
организацией. И все же мне хотелось
встретиться с абордажной командой после
их возвращения,
чтобы проверить их записи на предмет
деталей, о которых они могли не
упомянуть. А после этого
корабль контрабандистов должны были
превратить в оплавленный шлак.
В док скользнул бронированный челнок, от
его пассивного антигравитационного поля
воздух
наполнился ионизированным запахом.
Челнок опустился на палубу с шипением
гидравлики и

потрескиванием холодного как лег
металла. Он представлял собой грубый
серый бронированный блок

размером с тяжелый наземный трактор, его
поверхность была шероховатой и покрытой
вмятинами от

полетов в атмосфере. Бронестекло
кабины прикрывали противовзрывные
щиты. Когда палубная

команда двинулась присоединять линии
питания и кабели передачи данных, я
услышал отголоски их

переговоров с пилотами. Аппарель в
нижней передней части фюзеляжа
откинулась, открыв темное

внутреннее пространство. Велькаррин и
бойцы повернулись в ту сторону, ожидая
появления из трапа

абордажной команды.

Что-то было не так. Я потянулся к поясу
за плазменным пистолетом, моя рука
сопнулась на потертом

металле рукоятки, и в этот же миг
посадочный ангар погрузился во тьму. Нас

открыла абсолютная

темнота. Какое-то мгновение было тихо, а
затем раздалась взволнованная тишина.
Пистолет был у меня

в руке, зарядные катушки светились, пока
он с пронзительным визгом накапливал
энергию. В стороне

челнока внезапно вспыхнули два зеленых
глаза. Раздалось механическое рычание
ожившего цепного

оружия, а затем началась стрельба.
Охранявшие нас бойцы внутренней
безопасности открыли огонь,

дула дробовиков вспыхивали, паля в
темноту. Звук напоминал неровный и
раскатистый рев. В рваном

свете выстрела я увидел моего врага,
стоявшего на аппарели. Его темный доспех
испещрял чешуйчатый

узор. В одной руке у него был зубчатый
топор, а в другой — болт-пистолет.
Мгновение он стоял

неподвижно, глядя на нас светящимися
зелеными глазами, от брони с грохотом

срикошетил выстрел.

Позади него виднелась фигура в серебряной маске и плаще с меховым воротником. На краткий миг

мне показалось, что пустые глаза на серебряном лице смотрят точно в мои.

Безопасники соткнули ряды вокруг Велькаррина и меня, образовав плотный круг бронзовой брони. Я

прицелился и выстрелил, но фокрон уже исчез, он двигался во вспышках выстрелов вихрем резни,

видимым лишь на мгновения ока.

Он нанес первому из солдат удар сверху вниз. Я услышал визжание, с которыми механизированные

зубья встретились с металлом и плотью.

Он был на два шага ближе, у его ног лежал полукруг расчлененных тел. Я услышал неподалеку

испуганное взвизгивание, узнав по звуку голос адмирала.

Болт-пистолет сверкнул и взревел, в маслянистой вспышке погибли трое

безопасников. Он был в трех шагах. Я чувствовал запах внутренностей и мяса. Я услышал, как Велькаррин развернулся, побежал и рүхнүл на палүбү, наступив на что-то мягкое и скользкое. В моей рүке визжал плазменный пистолет.

Я вскинул оружие, на зарядных катушках плясали молнии. Фокрон стоял наготове, занесся цепной

топор, чешуйчатая броня блестела от крови. Он ударил топором наискось. Я нажал на спуск, и из ствола пистолета полыхнула плазма.

Я не попал, однако выстрел спас мне жизнь. Дернувшись вбок, чтобы уклониться, Фокрон промахнулся.

Зубья цепного топора прошли по рүке, которой я держал оружие, ниже локтя, а обратный удар

рассек пытавшегося подняться Велькаррина.

Зажегся свет, и я испытал шок. С изжеванного обрүбка моей рүки хлестала

кровь. Я, шатаясь, сделал

шаг, ноги подкосились, и я упал на пол под
пощелкивающий стрекот шестеренок.

Люди, крича,

двигались. Я знал, что вокруг меня
быстро собирается большое количество
оружия.

Я огляделся, пытаюсь сконцентрироваться
в бледном тумане, который, казалось,
застилал мой взор. В

ярком свете блестела кровь. Аппарель
мелнока все еще была открыта. Позже мне
сообщат, что с

корабля контрабандистов не вернулся
никто из экипажа и абордажной команды.

Голоса в переговорах

по воксу и сообщениях были превосходной
подделкой. Не осталось ни следа Фокрона и
человека в

серебряной маске.

Месяц назад

На борту «Несокрушимой мощи» собрался
военный совет командования Эфизуанской
Травли. Но

тоемү зовү явились все: генералы, военные
ученые, вице-адмиралы, магосы, палатины,
епископы-милитанты, лорд-комиссары и
капитаны Агентүс Астартес.
Стратегиүл линейного крейсера
представлял собой круглое помещение
диаметром в двести шагов с рядами
вырезанных из гранита
сидений. Я ждал в центре под взглядами
собирающихся важных персон, и наблюдал.
Они приходили небольшими группами,
высматривая знакомые лица, решая, где
они вправе сесть, кого
надо избегать, а кого приветствовать.
Зрелище напоминало миниатюрную
модель работы шестеренок
имперской политики и демонстрации
силы. Вот спарсинский военачальник в
блестящем боевом
доспехе и белом меховом плаще, его
сопровождает группа советников по
тактике. А вот лорд
псайканы, чье сторщенное белое лицо
окружает капюшон из кабелей, он сидит

возле облаченной в

картиновое одеяние женщины с тонкими
конечностями, на медной полутаске
которой вычеканен

череп-шестерня Agentus Mechanicus.

Над собирающейся толпой двигались
сервочереп, сканируя, записывая,
вынюхивая угрозы и с

хриплыми вздохами распространяя запах
благоний.

В толпе я увидел нескольких подобных
мне: инквизиторов или же их
представителей, которые

перемещались среди остальных, словно
нагменные повелители, или же
неподвижно и тихо оставались

стоять в стороне. Я не приглашал никого
из них, но они все равно пришли, и
хватило одной лишь

моей репутации. Некоторые даже
обращались ко мне «лорд-инквизитор».

Звания в Инквизиции --

сложная вещь. В незримой руке
Империума, повинующейся лишь воле

Императора, нет формальной
структуры. «Лорд» - это знак уважения и
признания, этот титул равные дают
тому, кто заслуживает его
величием своих свершений. Моя война
против фокрона принесла мне
известность и уважение, как
пламя манит насекомых. По моему зову
собирались величайшие мастера войны в
этой области
пространства, и я мог понять, почему
некоторые из них называют меня лордом.
Я сел в кресло с высокой спинкой в центре
зала. Под моей левой рукой покоился
церемониальный
молот, правая лежала на черном железе
подлокотника, пальцы из полированного
хрома мягко
постукивали по темному металлу.
Прошел год с тех пор, как я потерял
правую руку, угодив в западню, в
которой погиб адмирал Велькаррин, и
чуть не расстался с жизнью я сам.
Бионическая замена до сих

пор тучила меня фантомными болями.

Этот год я не сидел без дела. После покушения на мою жизнь Фокрон буквально исчез. На корабле и

клипере контрабандистов не обнаружилось никаких его следов. Это, вконец со внезапно погасшим в

момент нападения светом, могло означать только то, что его сеть предателей проникла гораздо глубже и выше в структуру наших войск, чем мне представлялось возможным. За работу принялись мои

собственные доверенные асолиты и агенты, и теперь я собрал вместе лидеров Погони, чтобы

поделиться тем, что обнаружил.

Некоторые знали, что должно было произойти, но большинство -- нет. Я посмотрел, как солдаты в

шлемах с черными забралами запирают двери помещения, и подождал, пока стихнет бормотание.

После этого я встал.

- Необходимо многое обсудить, - произнес я, и голос разнесся над рядами сидячих мест. Я заметил

небольшое шевеление из-за отсутствия формального приветствия или же признания славы и

должностей собравшихся здесь. От этой мысли я позволил себе улыбнуться. - Но прежде всего нужно

решить один вопрос, - я слегка кивнул, как будто для усиления эффекта, и ожидавшие этого сигнала

начали действовать все, как один.

Я готовился к этому, однако психическая ударная волна все равно заставила меня пошатнуться.

Дюжина сидящих задержалась, когда телепатическая и телекинетическая силы сжали их, словно тиски.

Я ощутил на коже маслянистое прикосновение статического разряда. Раздался звук, словно ветер

прошуршал в высокой траве. В бившихся в конвульсиях мужчин и женщин вонзились

излы, и они огин

за другим затихли, когда седативные
препараты подавили нервные импульсы.
Последовало мгновение

ошеломленного молчания.

- Не двигаться! - прокричал я, когда через
толпу начали пробираться солдаты. Они
окружили каждую из

пораженных фигур. На шеях затянулись
шейники нулификаторов и нуты из
мононитей, и связанных

поволокли по каменному полу, словно
мешки с зерном. Шок оставшейся части
толпы ощущался

физически -- они только что увидели, как
гюжину их высокопоставленных
товарищей, обладавших

властью и наградами, свергли и утащили
прочь. Можно было буквально
почувствовать

фортировавшуюся в их разумах мысль
среди нас предатели. Бледный лорд
псайканы кивнул мне, и я

низко поклонился ему в знак

благодарности. В помещении началось
сердитое и испуганное
перешептывание.

- Враз среди нас, - я поднял молот и
обрушил адамантиевое навершие на
гранитный пол. После того,

как стихли отголоски удара, воцарилась
тишина. - Он бродит меж нами, надев
маску верности, - мой

голос был тягостен, однако разносился в
неподвижном воздухе. - Противник
использовал против нас

нашу же силу, направлял нас в ловушки,
топил в крови и сковывал нашу мощь
ложью. Год назад на

борт этого корабля враг был близок к
тому, чтобы собственноручно оборвать
мою жизнь. То, что это

стало возможно, свидетельствует о его
таланте и дерзости, - я сделал паузу,
озирая смотрящие на меня

лица, которые ожидали, что произойдет
дальше. - Однако я выжил, и своей
попыткой он открыл

масштабы измены в наших рядах. - Я указал на дюжину пустых мест в ярусах. - Сегодня я отсею

находившиеся среди нас головы зигры, - по аудиторию пробежал шепоток, и я сделал паузу.

Трудно было выявить предателей, не вызвав у тех подозрений. Их поиск был тонкой работой, но еще

более тонкой работой была подготовка к тому, чтобы убрать их всех в один миг.

Двенадцать

схваченных в зале были старшинами, наиболее высокопоставленными агентами и марионетками

Фокрона. Некоторые из них, несомненно, не знали, чему служат. Другие же, я уверен, стали

предателями по собственной воле. В их числе были генералы, старший персонал

Муниторума,

астронавт, исповедник и даже один дознаватель. В момент их захвата в войсках Травли начались

параллельные операции по искоренению порчи в наших рядах. Большую часть агентов должны были

убить, однако многих схватят и будут ломать, пока секреты не польются из них, словно кровь из вены.

- Враг ослепил нас и вел под руку, как детей. Но в то же время он вручил нам оружие, с помощью

которого его можно уничтожить. Это оружие -- знание, и мы получим его от гулявших среди нас

предателей, - я встал и подобрал молот, поставив наверху к ногам и положив руки на рукоять. - И с

помощью этого знания Травля выбьет почву из-под ног врага. Мы раним его и будем гнать, пока он не

уползет в свое последнее убежище. И когда он, истекая кровью, станет обездвиженным, я отсеку гигре последнюю голову.

Двенадцать часов назад

Стать свидетелями нашей победы

прибыла сотня боевых кораблей. Они
окружили неровную звездную
крепость, орудия полыхали, обрушивая на
нее огонь. «Око Гидры» вращалось по
орбите мертвого
мира, словно оглушенный боксер,
неспособный уклониться от ударов,
которые расплющивают его
лицо в кровавое месиво и осколки костей.
В конце концов, убежище Фокрона выдало
слова изменника. Огун из схваченных в
стратегии
«Несокрушимой мощи» знал другого
агента в командовании флота. Тот, в
свою очередь, тоже был
арестован, и псайкер вырвал тайны из его
разума. Эта информация добавилась к
полученным от
остальных фрагментов, и вместе они
сложились в нить, которая вела к системе
мертвых планет, где
скрывалось «Око Гидры». То, что оно было
текущим убежищем Фокрона, было
выявлено и

подтверждено на основании многих источников. Узнав расположение базы Фокрона, я отдал приказ о немедленной атаке.

"Око Гидры" было действительно огромным, это была несимметричная звезда из сплавленных костических обломков, достигавшая в ширину пятнадцати километров. Ее корпус покрывали

металлические лоскуты, с которых стекала светящаяся жидкость по мере того, как крупнокалиберные заряды и лэнс-выстрелы превращали защиту в раскаленный шлак. Вокруг несимметричной громады

звездной крепости, словно мелкие рыбы возле глубоководного левиафана, собрались вражеские

корабли. Большинство были пиратами, волчьими стаями маленьких машин с легким вооружением. Все

они погибли за считанные минуты, осветив зубчатую громадину «Ока Гидры».

Наши орудия утолкли, и
к поврежденной звездной крепости
устрелилось облако десантных ботов и
штурмовиков. Я не стал
наблюдать за тем, как последний шанс
Фокрона гибнет в огне. Это был конец
моей войны, и я был
готов лично нанести завершающий удар.
Когда к звездной крепости устрелилась
первая волна
штурмовых кораблей, я был там, облачив
свое дряхлое тело в доспех, выкованный
лучшими
оружейниками Марса.
Зверь наиболее опасен, когда ранен и
загнан в угол. Последователи Фокрона
успешно напомнили нам
это правило. Собранные на «Оке Тигры»
силы были сборищем пиратского отребья и
допущенных в
ближний круг Фокрона отступников. Они
без раздумий отдавали свои жизни,
заботясь лишь о том,
чтобы заставить нас многократно

заплатить за каждого убитого. В каждом
их действии я видел

отвратительную гениальность фокрона.
Некоторые прятались среди труб под
потолком или в боковых

проходах, дожигались, пока наши бойцы не
пройдут мимо, а затем напали сзади.
Другие тихо

утаскивали гвардейцев во двор, душили
их и забирали форму с экипировкой.
Одевшись как свои,

отступники присоединялись к нашим
силам, выжидая наиболее благоприятного
момента, чтобы

обратить оружие на окружающих. Само
устройство крепости говорило об
извращенном предвидении.

Его запутывали туннели и потайные ходы.
Коридоры и перекрестки, казалось,
разделяют нас и

направляют в нужную сторону, дробя и
разобщая наши силы. У нас было
достаточно людей, чтобы

подавить любой проход. Мы, несомненно,

должны были победить, однако за каждый
дюйм платили

кровью. Эти шаги по крови и привели меня
сюда, в этот зал, к этой последней
схватке.

Да, каждый шаг стоил крови. Каждый шаг
на протяжении ста лет от строевого
площа Эфизии, через

сожжение Теснаии и до этого места, где
я в последний раз встречаюсь со своим
врагом. Я в

одиночестве, остальные имперские силы
потерялись позади в кровавом клубке «Ока
Тигры». Так что я

встречаюсь с врагом один, но, возможно,
так оно и должно быть.

Фокрон приходит в движение и делает
выпад, столь стремительный и внезапный,
что у меня нет

шансов уклониться. Я вскидываю кулак,
ощущая как доспех подстраивается под
движения дрыхлых

мышц. Мой кулак встречает его удар со
вспышкой света. Какую-то секунду его сила

борется с моей,

поля нашего оружия скрежещут друг о друга. Я взглядываюсь в его лицо, оно столь близко, что я могу

различить узор из мелких и совсем крошечных чешуек на лицевом щитке. Натовая ситуация глится

всего мгновение. За долю секунды до того, как он двигается, я стреляю из штурмболтера. Выстрел в

упор попадает ему в грудь и опрокидывает на пол со звуком трескающегося керамика. Пока он

пытается подняться, я поливаю его поверженное тело разрывными зарядами.

Делаю шаг ближе, и это ошибка. Раньше, чем я успеваю торгнуть, он оказывается на ногах и, вертясь,

проносится мимо меня. Кончик меча скользит по моему левому локтю. Окутывающее кулак силовое

поле исчезает, линии подачи питания рассечены с хирургической точностью. Я поворачиваюсь вслед за

нит. Меч снова мелькает, с быстротой
змеи нанося удар понизу. Острое вонзается
плитне под левое

колени. На мгновение ногу пронзает боль, а
затем она подкашивается. От удара
разлетаются плитки.

Враг исчез, сдвинувшись в слепое пятно
позади меня. Я пытаюсь развернуться,
системы наведения

ищут цель. Он собирается убить меня,
нанося за раз по одному удару. Несмотря на
боль, я улыбаюсь.

Альфа-Легион не просто убивает, они
пускают кровь одиночными укусами, пока у
тебя не останется

никаких сомнений в их превосходстве. Но в
этой гордыне их слабость.

Режущий удар рассекает локоть правой
руки. Я даже не вижу, откуда он был
нанесен. Но

алебастрово-белой броне бежит кровь,
растекающаяся по разбитым плиткам.
Правая рука бесполезно

повисла, но, невзирая на боль, я продолжаю

удерживать штурмболтер.

Он входит в поле зрения. В движениях
легкомысленная медлительность. Он
лишил меня силы,

обездвижил и теперь, убивая, хочет
заглянуть мне в глаза. Он
останавливается на расстоянии двух

шагов и смотрит зелеными глазами
сверху вниз. Острое клинка поднимается
на уровень глаза. Он

переносит центр тяжести, готовясь
вознать меч мне в глазницу. Это
стертельный удар и тот шанс,
которого я ждал.

Я вскидываю левую руку ударом, который
приходится ему под правое колено. У
кулака больше нет

силового поля, но это все равно
бронированная перчатка, движимая
искусственными мышцами. Удар

попадает в цель, раздается сухой хруст
расколотой брони и кости.

Фокрон падает, сжимающая оружие рука
отклоняется в сторону. Я поднимаюсь на

ноги, из последних

сил сжимая штурмболтер. Нужно совсем
немного. Мне надо всего лишь нажать на
спуск. Выпущенные

в упор разрывные заряды рвут его руку в
ключья. Прежде, чем он успевае
т среагировать, ядвигаюсь и

высаживаю остаток магазина
штурмболтера ему в левую руку.

Он барахтается в луже крови и кусков
доспеха. Ставлю колено ему на грудь и
хватаюсь левой рукой за

рога на шлеме. Затки визжат и трещат,
пока я сдираю шлем с головы. На какую-то
секунду я ожидаю

увидеть лицо чудища, монстра,
который меня породил и вынудил стать
тем, кто я есть. Но пог

шлемом лишенное шрамов лицо
костического десантника с резкими
чертами, с него на меня смотрят

темные глаза. Под левым глазом у него
небольшая татуировка в виде орла,
чернила выцвели до

тускло-зеленого цвета.

Я поднимаю руку и снимаю шлем. В воздухе пахнет стрельбой и кровью.

- Фокрон, - говорю я. - За твою ересь и преступления против Империи и человечества я приговариваю тебя к смерти.

Он улыбается.

- Да, ты победил. Сегодня Фокрон умрет.

На краю зрения происходит движение.

Я поднимаю глаза. Из углов комнаты за темной наблюдают фигуры. Они одеты в синие доспехи, часть из

которых чиста и ничем не украшена, на некоторых вычеканены знаки змеи, а другие увешаны

символами ложных богов. Они следят за темной светящимися зелеными глазами.

Среди них человек

обычного роста, завернувшийся в плащ с меховым воротником, его лицо скрыто за серебристой

маской. В моей памяти мелькают образы человека в маске, стоявшего на фоне

горящей Геспасии и

появившегося во вспышках выстрелов на борту «Несокрушимой Мощи».

Человек делает шаг вперед. Его аугметическая правая рука сжимает изломанный пистолет с тонким

стволом. Пока он идет ко мне, раздается пощелкивающее урчание шестеренок и пневматики. Фигура

поднимает левую руку и снимает серебряную маску. Я смотрю на него. У него мое лицо.

Угольчатый громик нападает инквизитору в левый глаз. Яг убивает его прежде, чем он успевает

вздохнуть. Он медленно оседает, громага госнеха с грохотом бьется о плитки пола.

Мы двигается быстро. У нас всего несколько секунд, чтобы выполнить задачу, и мы не можем

допустить ошибки. С тела инквизитора по частям снимают броню, фиксируя обнаруженные ранения.

Пока мертвеца освобождают от госнеха, я

снимаю собственную одежду и снаряжение.

Раздеваюсь,

пока здесь не оказываются двое почти
одинаковых людей -- один мертв и
истекает кровью на полу, а

другой стоит, пока его единокровные
братья завершают свой труд. Моя
аулетика и каждая деталь

заново перелепленной плоти
соответствуют человеку, который лежит
на полу мертвым. Тоды

искусного изменения и подгонки плоти
означают, что мой голос -- это его голос,
каждая моя привычка,

каждое движение -- все это его. Остались
только раны, которые были аккуратно
нанесены так, чтобы

причинить боль, но не убить. Я не кричу,
пока братья по Легиону режут меня, хотя
это не менее больно, чем было для него --
мёртвеца, чье лицо я ношу. Раны --
последний штрих. Моя кожа скрывается
под

скользящей от крови терминаторской

броней, и лежгу тной и мертвым
инквизитором исчезают все
различия. Мы едины, он и я.

Они забирают тело инквизитора. Оно
сгорит в плазменной топке, чтобы
стереть последние следы
победы. Убо это победа. Они уносят
искалеченного брата, последним изгавшего
роль фокрона. На его

место приносят труп, его синяя броня
изжевана зарядами болтера и смята
ударам силового кулака.

Лицо скрыто за рогатым шлемом, с плеч
ниспадает мерцающий плащ. Это тело —
окончательное

доказательство, необходимое Империи,
чтобы поверить, что сегодня они
одержали победу:

мертвый фокрон, сраженный своей
небездой. Сраженный тной. Империи
будет считать этот день

своим триумфом, но это ложь.

Фокрона никогда не было, его имя и
история существовали лишь в

представлении Императора и лани
человека, чье место я занимаю. Фокрон
существовал лишь для того, чтобы
устроить эту финальную
встречу. Его изображали многие из
Легиона, играя эту роль, чтобы создать
легенду, являющуюся
обманом. Я выйду из этой комнаты с
победой, и моя слава умножится, а влияние
и власть
распространятся еще дальше.
Десятилетия провокаций и подготовки
вели к этому мигу
перевоплощения, когда ты вручил
Императору победу и превратил ее в ложь.
Это наша истина,
средоточие нашей души, суть нашего
ремесла. Мы -- воины, не связанные узами
правды, допущений
и догм. Мы -- отражение в вечном зеркале
войны, непрерывно меняющееся,
непостоянное и
непобедимое. Мы служим лжи и
властвует над нею. Мы ее рабы, а она --

наше ору́жие, способное

победить любого врага, сокрушить любую
крепость и принести одному воину победу
над десятью

тысячами. Я --- тот, кто противостоит
многим.

Я --- Альфа-Легион, и ты едина.

...